

ней «Союз Русского Народа»: при его помощи составлялись «черные списки». Это вызывало крайнее озлобление среди рабочих.

За Невской заставой 27 января рабочие произвели вооруженное нападение на гнездо местного отдела «Союза Русского Народа», трактир «Тверь». В наполненную «союзниками» комнату трактира была брошена бомба. Другая бомба и залп револьверных выстрелов встретили черносотенцев в сенях. Были убитые и раненые. В результате, Невский район был надолго очищен от черной сотни.

Были и другие боевые выступления рабочих — преимущественно заводской молодежи — против черносотенцев.

Порой проявлялось среди петербургских рабочих раздражение против революционных партий: отказывались идти на массовку, рвали доставленные на завод прокламации. Это была реакция, — но не в смысле возврата к настроениям догапоновского периода, а в смысле глубокого разочарования в себе самих.

Аграрные беспорядки по-прежнему вспыхивали то здесь, то там. Но карательные отряды встречались колокольным звоном, и деревни, накануне громившие помещиков, предлагали хлеб-соль чиновнику, приехавшему для наблюдения за экзекуцией над ними.

Эти толпы крестьян, часами выстаивающие на коленях в снегу, эти подношения хлеба-соли палачам-усмирителям — ничего более трагичного, более безнадежного не показывала русская жизнь!

Настроение армии представлялось неясным.

Солдатские беспорядки прекратились. Но не было ли обманчивым это видимое спокойствие? Примирилась ли армия со своей долей слепого орудия реакции?

Неисовестства Миша и Римана при усмирении Москвы вызвали брожение в офицерской среде. Участились случаи отставки офицеров и даже самоубийства, в результате столкновения голоса совести и требований присяги.

Но несравненно больший интерес представляли настроения солдатской массы, а об них никто не знал ничего: казарма была, теперь, как неприступной стеной, отгорожена от «воли»...

Поразительны были пронесшие за два месяца изменения группировок в среде городского населения.

Время гегемонии пролетариата среди городской демократии прошло. Пролетариат, разбитый в неравной борьбе, лишенный ореола октябрьских побед, не мог вынуждать мелкобуржуазным группам то почтение, с которым они недавно относились к нему. Интеллигенция отошла от революции. Никто не вспоминал уже о Союзе Союзов. Революционное студенческое движение казалось достоянием истории.

Но с реакцией общество не примирилось. Быстро оформлялась, кристаллизовалась новая, третья сила, враждебная и революции, и реакции: все более выступал вперед либерализм. Он чувствовал себя наследником революции в ее борьбе с «бюрократией», наследником реакции в ее попытках положить конец революции.

Конституционно-демократическая партия уверенно шла к гегемонии и, — как ей казалось, — к власти.

На декабрьском съезде она окончательно отмежевалась от социалистических партий и от революции и провозгласила свою верность монархии. Но она сохранила независимость по отношению к правительству Витте-Дурново и вела против него энергичную кампанию в своих газетах и журналах.

Рядом с конституционалистами-демократами, правее их, появились новые партии. «Союз 17 октября» казался одно время серьезным соперником Партии Народной Свободы. Но его убивала близость к правительству, делавшая его в глазах общества соучастником всех преступлений власти. «Партия Правового Порядка» обанкротилась еще быстрее.